

АЛЕКСАНДРА ЗАХАРОВА:

Культура. — 2005. — 27 янв. — 2 февр. — с. 16

В хорошей компании интересно даже надувать мыльные пузыри

Когда говорят об Александре ЗАХАРОВОЙ, сразу вспоминаются обаятельная Фимка из "Формулы любви", вдохновенная пройдоха Саша из "Криминального таланта" и, конечно, "Серые волки", "Тонкая штука", "Убить дракона", "Дом, который построил Свифт". А также ее театральные работы: Нина Заречная в "Чайке", Графиня Альмавива в "Женитьбе Фигаро", Полина в "Варваре и еретике", Екатерина Первая в "Шуте Балакиреве" и самая, на мой взгляд, яркая, но, как представляется, недооцененная критикой Юлия Тугина в "Ва-банк" — спектакле по "Последней жертве" А.Н.Островского. В театре Захарова играет в спектаклях своего знаменитого отца. Не знаю, как вам, а мне бесконечно жаль родственников режиссеров. К ним предъявляются какие-то неоправданно завышенные требования. Но и им актриса Александра Захарова, народная артистка России, дважды лауреат Государственной премии, обладательница премии "Хрустальная Турандот" и премии К.С. Станиславского, полностью соответствует. Договориться об интервью оказалось непросто — Александра Марковна упорно сопротивлялась.

— Почему отказываетесь от встреч с журналистами?

— Они очень много выдумывают. И еще существует такая закономерность — интересно только то, что говорят великие. К ним я себя не причисляю. Все, что сказано, к примеру, Фанной Георгиевной Раневской, — меня просто завораживает. Даже самые несущественные детали. Но если то же самое повторит кто-либо иной, я останусь равнодушной. Любопытно ведь то, что рассказывает человек, который как личность тебя привлекает. Знаменитая фраза Раневской "Плюхеры, идите в задницу" в устах другой актрисы прозвучит грубо и пошло. Такие личности, как Фанна Георгиевна, рождаются раз в сто, а может, даже в тысячу лет. Природа создает такую актрису, а потом долго-долго отдыхает.

Так что моя основная задача при встречах с журналистами — не проболататься, не сказать лишнего. Дерзнуть, как Штирлиц, хотя... все равно выбалтываюсь. К тому же в письменном изложении теряется интонация живой речи, а если еще два-три слова переставлены и столько же опущено, то и речь свою не узнаешь...

— Почему решили стать актрисой, связать жизнь с театром?

— У меня просто выхода другого не было. Я — закусочный ребенок, выросла в театре и не представляла, что есть какие-то другие профессиональные пути, кроме тех, что связаны с театром. Хотя помню один разговор с отцом на гастролях в Молдавии, куда меня, маленькую девочку, взяли родители. Я спросила папу, в какой профессии женщина может стать знаменитой. Марк Анатольевич ответил: "Балерина, певица, драматическая актриса. Пожалуй, все, потому что все остальное составляет исключения, подтверждающие правило".

— Вы и сейчас с этим согласны?

— Конечно. Женщина, правда, может занимать и высокие посты, и даже странной доплатой, но для этого она все-таки должна "подтащить" в помощь мужские умы. Потому я и думаю, что все-таки управлять, руководить должен мужчина, не женское это дело. И потом — давно замечено, что женщины на выборах всегда голосуют против женщин.

Маргарет Тэтчер, Екатерина Вторая — это все те самые исключения, подтверждающие правило. Равно как и Галина Борисовна Волчек, которую я глубоко уважаю. Преклоняюсь перед ее замечательным театром, но и она — исключение: режиссура — профессия мужская. И Татьяна Лиознова — тоже исключение.

— Я далека от мысли, что работать в театре отца сладко и безоблачно. Зависть, воляная и невольная, разговоры и пересуды, да и перед родным человеком зачастую бывает гораздо сложнее открыться. Но есть и иная точка зрения: вы пришли в Ленком, потому что под крылом отца надежнее...

— Я пошла в театральный институт только для того, чтобы работать в Ленкоме, потому что была отравлена именно этим театром. После окончания Школьного училища получила приглашения в пять театров. Горжусь тем, что меня настойчиво звал в Маяковский Андрей Александрович Гончаров. Но я пошла в Ленком, куда показывалась на общих основаниях, и

сразу же вошла в массовку. Только через десятилетие выскочила из этого состояния.

Считала и считаю Ленком лучшим театром. Захарову подвластно многое: "Чайка" и "Фигаро", "Юнона" и "Шут Балакирев" — это совершенно разные эстетики. Марк Анатольевич — гениальный режиссер, и к родственным связям это мое убеждение не имеет никакого отношения. Поверьте.

— Верю, потому что знаю немало профессионалов, которые не замечены в родстве с Марком Анатольевичем, но считают его великим режиссером. Да и по-моему, Ленком — едва ли не единственный театр, обреченный на вечные аншлаги. Так что зрители тоже согласны. Не расскажете ли о своей последней работе?

— Безумно благодарна судьбе за роль Юлии Тугиной в недавней премьеры "Ва-банк". Потому что это Островский с его удивительным языком. Его слова — такие русские, такие вкусные, такие теплые. Мы, к сожалению, уже так не разговариваем, общаемся по-другому. Хотя, может быть, я ошибаюсь, но мне не встречались такие люди. Чего стоит такое слово, как "презритель" или словосочетание "совсем обиженная". Не "всеми обиженная", а "совсем обиженная".

— Мне кажется, что режиссура Марка Анатольевича — загадка, которую будут постигать еще много десятилетий. Только он может так осовременить классику, отсечь все второстепенное, придать стремительности и динамизм, добавить спецэффекты и современные аллюзии, но все это не уведет от первоначального смысла, а напротив, погрузит в его глубины. И еще — захаровские спектакли, как хорошее вино, не теряют своего вкуса.

— Театр — это режиссер. Как и кино. Можно быть удивительным, потрясающим актером и никогда в жизни не прозвучать, не сыграть своей роли, если не попадешь на своего режиссера. А ведь это — случай. Татьяна Ивановна Пельтцер говорила: "В актерстве девяносто девять процентов — везение". Она оставила только один процент на талант. Мне повезло. Мало того что я работаю с Марком Анатольевичем, я еще и родилась в его семье.

Мы живем в XXI веке, и наш способ восприятия мира, наше мышление изменились. Марк Анатольевич умеет так скомпоновать пьесу, что вытаскивает в ней то, что создано на века. И еще он постоянно требует избегать повторов. Чтобы было непохоже, чтобы не лезли фрагменты других спектаклей. Такого Чехова, Бомарше, Островского, как у Захарова, никогда не было. Ему знакомы какие-то секреты. Например, для того, чтобы заплакали во втором акте, надо, чтобы в первом обязательно расхохотались. Как он выстраивает мужские роли! Говорят, что можно обмануть в кино, на сцене обмануть нельзя. Думаю, это правда. На репетициях тебе выстраивают роль, а на спектакле выходишь на сцену и остаешься один на один со зрителем. И никакого спасительного киношного крупного плана не будет.

— Вы работаете быстро?

— К сожалению, нет. Я догнала ка-

А. Захарова

кие-то мысли Марка Анатольевича по "Чайке" только года через два-три после выпуска спектакля. Очень надеюсь на то, что сейчас этот путь немножко сократился.

Когда мы репетировали Островского, я себе приказывала не плакать, сдерживать слезы. И Марк Анатольевич сказал замечательную фразу о том, что после Беслана смотреть на актерские слезы слишком трудно. Где допустимая грань актерства, где грация слез, переживания? Когда ты видишь из хроники и документальных кадров, как существует человек, переживший трагедию, то думаешь о том, чтобы на сцене проусушествовать эмоционально достойно и не скатиться в такую обидно-гнусную мерехлюндию на сцене. Чтобы потом не было обидно за напрасно пролитые слезы. Это очень важно на сцене, да и в кино, честно говоря.

— Как вы относитесь к сериалам?

— К сериалам отношусь очень хорошо, как и к актерам, которые умеют в них сниматься. Вообще считаю, что на ТВ должны быть разные жанры. К тому же популярность дает телевидение, и правильно сказал Познер — раскрутить можно конский хвост.

— Какую свою роль считаете лучшей в серьезную актерскую жизнь?

— Если ваш вопрос подразумевает популярность, то ее дало, конечно, кино. Я благодарна Сергею Ашкенази, который пригласил меня в "Криминальный талант". Эта роль была сыграна на каком-то порыве. А на улицах меня стали узнавать после "Формулы любви".

— Театр — организм сложный, семья противоречивая. Есть у вас в театре близкие люди?

— Конечно, есть родственные души. Те, кому веришь, к мнению которых прислушиваешься. В театре, как в медицине: одному врачу веришь, другому — нет. Есть люди, которые всю жизнь с Захаровыми, они напильники им, понимают его, заражены его театром. Их немало: Караченцов, Абдулов, Збруев. Абсолютно большой театр человек — Броневой, который говорит: "Если я не пришел в театр, значит — умер".

— Вы сейчас снимаетесь в кино?

— Закончена работа над совместной телевизионной российской-английской картиной "Нервный брак" режиссера Елены Райской. Это исторический фильм, которая вышла замуж за иностранца. При разводе отлучается ребенок — он остается с от-

цом, на той стороне. Такие сюжеты встречаются в реальной жизни. На мой взгляд, интересный сценарий. Мою маму играет Ольга Волкова. Партнер — англичанин, играл и понимал только по-английски. Было довольно трудно.

— Что больше любите — репетиции или спектакли?

— Репетиции и первые спектакли, когда в зале находится Марк Анатольевич. Мне очень важна его реакция. Когда я что-то хорошо сыграла, раздалась аплодисменты, а его нет, для меня — трагедия. Тогда я послушаю говорю кому-нибудь из режиссеров — расскажите об этом Захарову. Хотя аплодисменты — вещь странная. Евгений Павлович Леонов говорил: "Если ты ушел со сцены под аплодисменты — значит, ты что-то не так сделал, где-то не доследил". Но все равно приятно.

Вот сейчас канал "Культура" снимал "Чайку". И вдруг в финале, когда мы с Димой Певцовым обнимаемся, начались аплодисменты. Никогда ничего подобного в этой сцене не было. А мы играем спектакль десять лет.

Понимаю, что это странно и вроде не по делу, но все равно ласкает слух.

— У каждого человека, который поступает в театральный вуз, да и не только в театральный, есть мечты. Они у вас осуществились?

— Не знаю. Я, с одной стороны, избалована ролями, а с другой — большую половину своей жизни в театре провела в массовке.

Но мне грех жаловаться. Начала с Офелии у Леба Анатольевича Панфилова. Сейчас — Островский. Чего еще желать?

— То есть сегодня вы вполне счастливы?

— Смотрю на молодых артистов и думаю: какое счастье, что мне не двадцать лет! Вам, наверное, эта фраза кажется безумием? Но я нахожусь в состоянии, когда мне хорошо. Еще молода, но у меня есть уже какой-то опыт за плечами. Еще трагус, выходя на сцену, но уже вижу окружающих на сцене. Понимаю, что могу, чего — нет. Я панически боюсь высоких слов, но испытываю в какие-то секунды ощущение полета. Мне хорошо. Время действительно золотое.

— В театре вы играли только классику да "Шута Балакирева" Григория Горина, тоже исторический сюжет. Не хотелось бы попробовать свои силы в современной драматургии?

— Таких пьес, чтобы захотелось сыграть, пока не встречала. Хочется иг-

рать классику — Чехова, Островского. Чем удивителен Островский? Марк Анатольевич на репетициях повторял нам, что он — наш Шекспир. Это, наверное, так, да не так. Я играла Офелию: она уходит за кулисы, там что-то происходит, она возвращается и рассказывает о случившемся, потом опять покидает сцену, где-то там, "за кадром", сходит с ума, затем приходит и рассказывает. Потом вновь ушла и утопилась. А у Островского все происходит на сцене: и влюбляешься, и разочаровываешься, и сердце рвется на части. Все — на глазах зрителя.

Даже у Чехова не так. Нина Заречная приезжает через два года и рассказывает о пережитом. В других "Чайках", которые видела, — это довольно крикливый приход к Треплеву. А здесь — люди просто сидят и разговаривают. В этом — правда жизни. Ведь чем страшнее ситуация, тем проще люди себя ведут. Как ни странно. У Хемингуэя замечательно сказано — давай, как в жизни, нарисуем картину: ураган, буря, гибнет корабль. А в жизни приходит телеграмма: ваш брат умер... И все. В жизни все страшно просто, к сожалению. Дети сидели на уроке, пришли террористы, подвесили мины — и все. Пострадавшие и рассказывают о пережитом простыми словами. Как это играть?

— Когда-то меня поразила фраза в вашем интервью — чем хуже в жизни, тем лучше на сцене.

— Наша профессия очень тяжелая и неблагодарная. Актеры — совершенно больные люди. Мы, как наркоманы, понохали запах кулисы, как цирковые — запах опилок. Актерство — зараза, которая попадает в кровь, и ты уже не можешь не репетировать, не выходить на сцену... Профессия к тому же уничижительная, зависимая. Счастливы актеры Петра Фоменко, Марка Захарова — у них есть свой театр, своя мастерская, свой режиссер.

Недавно поздно возвращалась с одного спектакля, и меня подвозил шофер Марка Анатольевича. Я сказала: "Боже мой, как стыдно дожить до семидесяти лет и выходить на сцену для того, чтобы сказать пару фраз!" Это — уничиательно для женщины, а уж для мужчины тем более. Хотя была Ольга Андровская, и, глядя на нее, никто не испытывал жалости, только — преклонение. Татьяна Ивановна Пельтцер до последних дней играла, часто забывала текст, и Александр Абдулов ей подсказывал, но ее не было жалко. Как дожить до актерской старости так, чтобы никто не испытывал к тебе жалости? Где найти, как воспитать чувство актерского достоинства? Вот я и говорю водителю: "Как бы суметь вовремя уйти?" А он отвечает: "Да ты доживи сначала!" А я-то все время думаю, как бы стать многословным пирожком, а не лепешкой с тонкой начинкой? Чтобы за тобой был один, второй, третий план, чтобы ты не был сразу вычислен и предсказуем. Хочу стать актрисой, которая не боится своего возраста.

Что для этого надо — может быть, книги, мысли, а может быть, окружение. А может быть, надо быть несогласной с этой жизнью? Не знаю, что надо. Мне кажется, что декабристов среди нас почти не осталось. Говорю "почти", потому что хочется верить, что они где-то есть. Иначе жить не хочется. Хорошие люди есть, но так, чтобы при полном благополучии выйти на Сенатскую площадь? Не знаю...

Что касается актера, то чем хуже ему в жизни, тем лучше на сцене. В этом я уверена. Чем больше ты переживаешь, страдаешь в личной жизни, тем интереснее будешь на сцене. Страдания есть основа жизни духовной. Это правда, ведь все свои переживания ты выносишь на сцену. Надо, чтобы было чем играть. Как у Островского в "Лесе"? Несчастливцев говорит Аксёше: "Дитя мое, ты знаешь больше других: ты знаешь бури, знаешь страсти..." Чтобы стать актрисой, что-то должно порваться, должны быть боль и какая-то несоответственность с жизнью. Это — по великому драматургу. Я — присоединяюсь.

— Что вам интересно в театре — вас часто можно увидеть на московских спектаклях?

— Очень нравятся спектакли Мастерской Фоменко, интересно ходить в Современник, с большим удовольствием смотрю спектакли в МХТ, любопытны работы режиссера Серебrenникова.

— Вы играете только в спектаклях Захарова?

— Сейчас — да, но начинала у Панфилова.

— А нет желания поработать с другими режиссерами?

— Меня не так давно приглашал хороший режиссер (не буду называть имени), но я не пошла. Не считаю, что очень-то владею профессией.

— Позвольте уличить вас в лукавстве...

— Нет-нет. Знаете, как Марк Анатольевич делает замечания? Приблизительно так: "Все хорошо, но можешь здесь вот так. А вот здесь — так". Он точно и конкретно говорит — всем, конечно, а не только мне. И у него хочется учиться. А тут надо прийти в какую-то антрепризу и за короткий репетиционный период что-то выдать?..

Марк Анатольевич — это настоящая, большая школа, которая не заканчивается с получением диплома. Есть актеры захаровские, фоменковские, были эфросовские, гончаровские. Захаров создал удивительный театр-школу, театр-мастерскую, где есть первое поколение, которое он вырастил, и все его представители до сих пор хотят с ним работать. К нему на седьмом десятке лет пришел Пельтцер, покинув театр, в котором проработала всю жизнь! Начать новое дело в такие годы — это подвиг. У нас в театре, к счастью, есть такой титан, как Броневой. Вот — человек, за которым стоят образы многих людей, вспоминаются разные годы, мысли, переживания! Он может выйти и ничего не говорить, просто посмотреть в зал, и за ним сразу будет интересно наблюдать. Это высочайший класс. Захаров сумел вырастить второе поколение. Более того, он создал и третье поколение, многие из которого — Сережа Фролов, Олеся Железняк — уже известны.

— Кто из партнеров по сцене вам близок?

— Я благодарна Александру Викторовичу Збруеву, с которым мы сейчас играем "Ва-банк". Он непредсказуемый, странный. Смотрит насмешливыми, улыбающимися глазами, и непонятно, что за ним. У него удивительно четкая, точная своя жизненная позиция, и она видна на сцене. С ним очень интересно. К сожалению, мы все ориентированы на голливудских актеров, и Збруев — причудливая смесь Николсона и Аль Пачино. Вот такое у меня от него ощущение. Потом у него есть редкое качество — рядом с ним всегда ощущаешь себя женщиной. Есть мужчины, у которых это качество отсутствует. Рядом с таким партнером становишься бесполой. Может быть, это мужской взгляд на женщину — не знаю, как объяснить. Со Збруевым на сцене бывает и некомфортно, и странно, но при этом очень хорошо.

— Вы назвали театр Захарова — школой. В том, что Марк Анатольевич долго не давал вам ролей, был какой-то урок?

— Об этом лучше спросить у него. Считаю, что слишком долго не делала ничего. Женский век короткий: пожилая женщина — это уже пожилая, а пожилой мужчина — еще мужчина... Но были тогда другие артистки, другие роли, в которых он меня не видел.

— Во времена молодости ваших родителей существовало братство — Ширвиндт, Миронов, Захаров, Горин. Сложилась ли такая дружеская компания у вас?

— У меня есть друзья, но их немного. А такая компания, как была у родителей, и не может сложиться, это — редкость. Кто был в этом тандеме? Андрей Миронов — на мой взгляд, лучший актер, который мог бы легко вписаться и в европейское, и в голливудское кино. Универсальный актер с удивительным трагедийным началом, которое было использовано Захаровым в "Доходном месте".

При этом он мог быть ироничным, несерьезным, остроумным. Во всех проявлениях — тончайший вкус, на него хочется смотреть и смотреть. Обожаю "Двенадцать стульев", хотя в этой картине есть длинноты, но дуэт Папанов — Миронов — это сумасшедшая, сверхъестественная актерская пара. В той компании был отличный режиссер Захаров, не самый плохой драматург Григорий Горин и не самый простой человек — Александр Анатольевич Ширвиндт. Непростое было братство. Люди необыкновенно одаренные, знаковые имена.

Мои родители дружили с Алексеем Арбузовым. И он рассказывал, что у него было такое развлечение — вместе с Валентином Плучеком сидеть на балконе и надувать мыльные пузыри. Арбузов — великий драматург, к которому будут еще возвращаться и возвращаться, такой чистый, романтический. Одна "Таня" чего стоит! А Плучек — создатель театра. Не думаю, что им было бы интересно надувать пузыри с соседом Тютюкиным. Все дело — в компании.

Друзья отца вспоминали, как он перелезал на ходу из машины в машину, когда те шли рядом и ехали на приличной скорости куда-то за город, на дачу. Им было весело. Андрей Миронов на крыше машины отбивал четку. Я сейчас этого даже представить не могу — страшно. Как можно было так рисковать собой — есть же, маленький ребенок, — не с ума ли сошли?

— Может быть, время было хоть и непростое, зато более раскрепощенное, и все шло от него, от времени?

— От таланта. Можно собраться большой компанией. Будет шумно, вкусно, много можно кричать, рассказывать анекдоты, громко разговаривать, но это не значит, что будет весело. Вот сейчас есть такое заезженное слово — "самодостаточный". Говорят: он такой самодостаточный, ему никто не нужен. Они же были людьми, которые нуждались друг в друге, фонтанировали шутками и относились к себе несерьезно. Они никогда не были уверены в успехе. Андрей Миронов не мог смотреть "Бриллиантовую руку" на премьеру. Он высказывал из зала, был зеленый, поворачивал: "Не знаю". Олег Борисов показывал материал фильма "За двумя зайцами" моим молодым родителям в каком-то провинциальном уральском городе и говорил, как ужасно все, что он сыграл, и он не знает, что ему теперь делать... Они кидались друг к другу по первому зову и даже до него, раньше. Чувствовали друг друга, поддерживали. Такие были люди.

— Сейчас, конечно, иные времена, иные нравы...

— Время спрессовалось, жизнь изменилась, другой век, другое тысячелетие, другая эпоха. Жить надо осторожно и внимательно. К сожалению, за все хорошее и за все плохое. За плохое — понятно, но почему и за хорошее?

Сейчас — все короли, все состоялись. Все звезды. Замечательная "Фабрика звезд", но как бы не сойти с ума от этого конвейера... А как распознать ту грань, тот момент, когда теряешь ориентиры? Ведь падение начинается с каких-то неприметных мелочей.

У меня есть любимый анекдот начала перестройки. Черт встречается с новым русским и просит его продать душу. Человек отвечает, что готов, но за машину цемента. Так и стоворились. Черт пообещал, что завтра в пять утра у дачи будет стоять машина с цементом. Новый русский говорит: "Я тебе всего лишь душу? Чувствую, ты меня где-то кидаете, а где, понять не могу."

Все переворачивается — и слова можно все перевернуть так, что и не узнаешь собственных слов. Поэтому очень страшно давать интервью и страшно что-то рассказывать о себе. Впрочем, мы вернулись к тому, с чего начали...

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ